

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

**Карьера
требует
жертв**

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Художественный редактор *Е. Анисина*

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Карьера требует жертв / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-162684-6

Профессионального телохранителя Евгению Охотникову нанимает наследник огромного состояния Глеб Василевский. Он боится, что его могут убить, ведь Василевского всюду преследует черный «Вольво». Женя взялась за это сложное дело, и теперь ей самой угрожает смертельная опасность, она чудом остается жива. Чтобы найти обидчиков Глеба, ей придется сотрудничать со своим несостоявшимся убийцей...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162684-6

© Серова М.С., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

За время работы телохранителем по найму я получала множество увлекательных заказов. Когда мне интересно работать с клиентом, его случай меня действительно цепляет, то деньги отходят на второй план. Ну, или почти на второй, так как гонорар в моем деле очень важен. Кто-то скажет, что я беру баснословно много за свои услуги, но этот кто-то должен понимать, что, соглашаясь охранять клиента, я подписываюсь на огромные риски, иногда я фактически ставлю свою жизнь на кон, понимая, что мне придется сильно постараться, дабы выбраться из той или иной переделки живой.

Звонок от мажора Глеба Василевского меня не зацепил.

Однажды молодой богач позвонил мне, заявив: «Госпожа Охотникова, кажется, меня хотят убить». Казалось бы, вот она, фраза, которая должна пробудить в телохранителе желание рвать и метать, мчаться на всех парах к клиенту, раскидать всех его обидчиков, стать спасителем и получить свою заслужен-

ную награду. Но вот в чем беда: я не поверила Василевскому. Будучи скептиком по натуре, первое, о чем я подумала, — Глеб Александрович настолько вкусил роскошной жизни, что угроза стала мерещиться ему везде — даже со стороны близких людей. Тем не менее я согласилась с ним встретиться чисто из прагматических соображений, ведь где богач, там и большие гонорары. Подумаешь, похожу рядом с богатеньким Буратино, потерплю его паранойю, устраню угрозы (сильно сомневаюсь, что они вообще есть), получу зарплату и благополучно покину его.

Я назначила Глебу встречу в заведении, которое не соответствует его статусу, — кафе на Ивановской улице, в котором готовят отличный фастфуд. Гамбургеры, хот-доги, картошка фри. Все это невероятно вредно, но так вкусно — пальчики оближешь. Всегда предпочитала такую еду изысканным кушаньям, которые подают в заведениях, где чаще бывает Василевский.

Надо сказать, Глеб Александрович не возмущался относительно места встречи — видимо, дело было для него гораздо важнее.

Когда он приехал на своем шикарном «Мерседесе», который припарковал аккуратно рядом с моим «Фольксвагеном», я уже доедала двойной бургер.

— Добрый день. Евгения Максимовна Охотникова?

— Добрый, она самая, присаживайтесь, Глеб Александрович. — Василевский кивнул своему человеку, который вошел с ним в кафе, чтобы тот подождал в машине.

Пожилой, но от того не менее грозный мужчина смерил меня взглядом, после чего молча вышел из здания и сел за руль «Мерседеса», откуда и вышел.

— Евгения Максимовна, мне кажется, меня хотят убить.

— В своей практике я сталкивалась со множеством случаев, когда клиентам много чего «казалось», поэтому ваши слова для меня пока мало что значат. Основания для такого заявления имеются?

Глеб будто бы сразу изменился в лице. Настороженный взгляд сменила ухмылка — явно напускная, — он глянул в окно — на «Мерседес», в котором сидел его человек, после чего продолжил:

— Значит, слухи не врут.

— Слухи? — переспросила я.

— Грубоватая, скрывающая свои эмоции, считающая, что у нее все всегда под контролем. Прирожденный скептик, который не доверяет людям и тяжело идет с ними на контакт. Я навел справки о тебе, Женя.

— Мы уже перешли на «ты»?

— Думаю, мнимую вежливость можно оставить. Я узнал, кто ты такая, в свою очередь, ты наверняка «пробила» меня. Согласив-

шись на встречу со мной, ты ожидала встретить мажора-параноика, который трясется и оглядывается по сторонам каждую минуту, — на этих словах Василевский снова посмотрел на «Мерседес». — Очевидно, ты не веришь в серьезность моих слов о готовящемся покушении на меня, но согласна помочь мне ради собственной наживы, так как заплачу я хорошо. Поправь меня, если я где-то ошибся.

«А он неплох, этот Глеб Александрович Василевский. Угадал каждый из пунктов, по которым я его разложила еще до встречи».

На подсознательном уровне я априори не уважаю мажоров, потому что им все досталось просто так, в то время как простые работяги вроде меня вкалывали не покладая рук, чтобы обеспечить себе безбедное существование.

В мыслях я стала уважать Василевского, несмотря на его наглость и напыщенность, за которыми явно скрывается нечто большее. Но показывать я этого не могла. Ему нужен телохранитель, а не млеющая девушка — таких в его окружении хватает.

— Bravo, Глебушка. Красиво разложил, вот только твоя крутость не вяжется с одной деталью: по сторонам ты не оглядываешься, но смотришь в одну конкретную — в сторону «Мерседеса», за рулем которого сидит твой человек. Что, страшный дядька?

— Теперь я еще раз убеждаюсь, что слухи не врут. Что ж, профессионал Евгения Мак-

символа, я, пожалуй, расскажу свой случай, а ты уже решишь, стоит ли иметь со мной дело.

— Внимательно слушаю.

Обоюдные словесные остроты кончились, и Василевский приступил к рассказу.

В наследство от отца — олигарха Александра Александровича Василевского — Глебу досталось многомиллионное состояние и гордость папы — ночной клуб «Bad». Заведение всегда пользовалось популярностью в Тарасове, но никогда не считалось популярнее клуба «Party Night», который посещали не только заядлые тусовщики, но и «большие шишки» города.

Несмотря на это, «Bad» приносил стабильный доход, и Василевский-старший не жаловался на нехватку прибыли. Зимой позапрошлого года Сан Саныч попал в ужасную аварию на шоссе: в тот день он почему-то сам сел за руль и поехал в сторону столицы на деловую встречу с бизнес-партнерами. Александр не любил самолеты, но поездка без личного водителя казалась странной даже для него. Случилось так, что автомобиль занесло на снег, Василевский потерял управление и врезался в грузовик, ехавший по встречной полосе. От столкновения Александр погиб на месте.

Люди из окружения Сан Саныча были уверены, что молодой и неопытный Глеб не смо-

жет принять бразды правления его бизнесом, ведь помимо ночного клуба у Василевского было еще несколько предприятий поменьше. Каково было удивление злых языков, когда Глеб не только удержал бизнес папы на плаву, но и вдохнул в него новую жизнь. Продав пару-тройку «второсортных» предприятий, Василевский оставил в своем распоряжении несколько ресторанов и «Bad». Уже в скором времени клуб, в котором произошли качественные изменения, обошел по популярности «Party Night», и вышеупомянутые «большие шишки» стали охотно ходить к Глебу Александровичу.

Такой расклад категорически не устроил Валентину Прохорову — владелицу «Party Night», известную и уважаемую в городе бизнес-леди, которая возвела свое заведение по кирпичику. На вопросы журналистов о том, устраивает ли ее нынешнее положение дел, Прохорова недвусмысленно отвечала, что рано или поздно все встает на свои места и «однодневные выскочки вроде Глеба Василевского пропадают с радаров так же быстро, как появляются на них». Глеб Александрович такое заявление воспринял в качестве угрозы, но в прессе об этом не заявлял, предпочтя остаться «молчаливым победителем».

М. Серова

■ Вот только последние пару месяцев он замечает, что за ним следят. Стоит ему выйти

из машины и оглянуться, как сзади отъезжает некий автомобиль без номеров, а личный охранник, водитель и многолетний страж семьи Василевских Василий Прусс не поспевает за авто.

Это Прусс привез Глеба на встречу с Женей, и именно он должен был ехать в тот злополучный день за рулем автомобиля Сан Саныча, но последний отказал охраннику, который также приходился ему близким другом. После гибели Александра Василий пообещал, что не допустит, чтобы с его сыном случилось нечто подобное. Однако в поисках того, кто следит за его клиентом, Василий пока не преуспел, поэтому Глеб решил нанять человека со стороны — мастера своего дела Евгению Охотникову.

— Твой старый телохранитель не справляется, и ты решил нанять нового? Не слишком ли неуважительно по отношению к Василию? Да и потом, чтобы найти того, кто за тобой следит, не лучше ли было обратиться к частному детективу или написать заявление в полицию? Мне кажется, ты не по адресу, Глебушка.

— Да нет, Женечка, как раз по адресу. С детективом, которого я нанял, ты познакомишься позже. А про полицию ты серьезно? Действительно считаешь, что наши доблестные служители закона станут помехой для столь могущественного человека, как Вален-

тина Андреевна Прохорова? Тех ментов, кого не оставит с носом, она подкупит, можешь не сомневаться.

— А вот это уже интересно. Полиция — не вариант. На тебя работает частный детектив, который, я так понимаю, ищет компромат на Прохорову. У меня, как у профессионала — так же ты меня назвал, — возникает вопрос: «Где провалился Прусс?»

Ухмылка на лице Глеба Василевского стала еще шире. «Я практически уверена, что сейчас он восхищается моей проницательностью».

— Понимаешь ли, Евгения Максимовна, Прусс был верен моему отцу. Когда папы не стало, он поклялся защищать меня и заверил, что остановит любого, кто захочет мне навредить. Но в последнее время у меня появились сомнения на его счет, — он снова посмотрел в сторону «Мерседеса». — Как и положено личному охраннику, Василий живет в моем особняке. Он посвятил свою жизнь работе с отцом — они с армейки вместе, один поднялся в бизнесе, вот и подтянул друга, чтобы тот работал на него. Со временем Василий Михалыч стал частью нашей семьи, собственную он не завел, да и не хотел никогда, по-моему. Я бы не сомневался в преданности дяди Васи, но... Пару дней назад я услышал, как он разговаривает с кем-то по телефону. Я просто шел к себе в комнату, а у него была открыта дверь. Я отчетливо услышал, как

он говорит: «Малец ни о чем не догадывается, действуем по плану».

«А вот это уже интересно, — подумала я. — Это же настоящий сюжет для крутого боевика! Бэтмена предал Альфред! Вот только Василевский — далеко не борец с преступностью, а Прусс — скорее не дворецкий, а вышибала. Но параллель заслуживает места быть. Неужели человек, который наблюдал за тем, как Глеб делает первые шаги, растет, становится самостоятельным и взрослым мужчиной, для которого тот должен быть почти сыном, способен предать его? Ради чего? Кто его заказчик? И действительно ли все так, как кажется на первый взгляд? Да уж, Глеб Василевский, ваше дело поинтереснее, чем я сперва подумала. Но своей заинтересованности я не покажу».

— Хм... Озвучу твои подозрения одним предложением: ты думаешь, что Валентина Прохорова хочет убрать тебя, а Василий Прусс по каким-то причинам ей помогает. Верно?

— Все так, Женя. Ты готова работать на меня?

— Пожалуй, да. Вижу два основных пункта для меня как для телохранителя — мне нужно постоянно крутиться возле Прусса, а еще необходимо напрямую пообщаться с Прохоровой. Устрою ей мозговой штурм, составлю психологический портрет, чтобы понять, действительно ли она хочет от тебя избавиться. ■

Пока я буду общаться с ней, твой детектив будет действовать из тени. Потом мы сопоставим наши версии и поймем, что за фрукт эта Валентина Андреевна. Как тебе расклад, Глеб Александрович?

Ухмылка на лице Василевского из открыто оптимистичной сменилась на горькую. Ему понравилось обмениваться со мной колкостями, понравились моя проницательность и профессионализм. Но этому парню страшно. За этой горькой ухмылкой скрывается не наглый мажор, а человек, нуждающийся в помощи. И я помогу ему.

— Согласен, Женя. Оплата по полному тарифу, вот аванс, — Глеб протянул мне конверт с гонораром за мои услуги.

Он направился к выходу, но перед тем, как открыть дверь, обернулся и добавил:

— Ты должна знать еще кое-что про Валентину Прохорову. Она искренне меня ненавидит, потому что я — ее сын. — С этими словами Глеб Василевский покинул заведение, оставив меня в недоумении.

Сын? Что за чудовище желает смерти собственному ребенку? Впрочем, действительно ли желает, еще предстоит выяснить. Очевидно одно: я стала героиней не боевика о предательстве, а мексиканского сериала про семейные узы.

Наверняка Василий Прусс оценивающе наблюдал за нашим разговором, он однознач-

но поинтересуется у Глеба, почему тот не позволил ему присутствовать при разговоре. Каким будет ответ молодого бизнесмена? Ведь, садясь к нему в машину, он уже подвергает себя риску, если Прусс действительно замыслил недоброе.

Взвешивая все «за» и «против», я решаю немедленно приступить к защите клиента, спешно оставляю деньги за съеденный бургер, выбегаю из заведения и сажусь в «Мерседес».

— Здравствуйте, я — Женя Охотникова, телохранитель Глеба Александровича. А вы, я так полагаю, его водитель? — спрашиваю я, обращаясь к Пруссу.

Ошарашенный моей наглостью, Василий отвечает:

— Телохранитель, водитель, охранник. Тот, кто потребуется Глебу. Полагаю, мы с вами коллеги.

— Может, и так. Надеюсь на плодотворное сотрудничество, Василий, как вас по отчеству?..

— Михайлович.

— Василий Михайлович! Глеб кратко ввел меня в курс дела. Я так полагаю, что вас он оставил в машине. Чтобы вы наблюдали за возможной слежкой, — этой нехитрой фразой я стараюсь разрядить обстановку и дать Пруссу понять, что в его отсутствие мы не говорили о нем. Остается только надеяться, что он по-

верит, но такой «динозавр» может не купиться на подобную байку. — Как успехи с поисками наблюдателя? Марка авто, приметы?

Продемонстрировав уверенность в правдивости моих слов, Прусс отвечает:

— Черный «Вольво», седан. Матовая покраска, больше ничего разглядеть не успел, машина быстро уехала. Пробиваю по всем своим источникам, пока глухо.

— Угу. Что с Прохоровой? Общались?

— Она не пускает меня на порог. Глеба — тем более. Понимаете ли, Валентина...

— Мать Глеба. Я знаю, он упомянул. То есть с ней пока никто не общался? Что детектив?

— Дилетант...

— Ну, я бы не спешил с выводами, — в разговор вмешивается Глеб, который все это время сидел, будто бы ребенок, стесняющийся перебивать маму и папу. — Олега я знаю с института. У него пытливый ум, хорошая чуйка и прекрасные знания психологии. На юриспруденции ему всегда было скучно, вот он и подался в частный сыск. Ему нужно дать время.

— При всем уважении, Глеб Александрович, — продолжает Прусс, — ваш Олег просто выкачивает из вас деньги. Женя, Олег Кротов — детектив-болван, которого Глеб нанял для слежки за Прохоровой. Но как может следить за потенциальной убийцей чело-

век, который боится лая собаки? Он уверяет, что наблюдает со стороны, ищет информацию в Интернете, общается с теми, кого Валя уволила или обидела иным образом, но когда он последний раз выходил на связь? Неделю назад?

— Ему нужно дать время, я доверяю Олегу, — отрезал Глеб. Только не добавил: «Больше, чем тебе, старик».

— Оставим Олега в покое, еще будет возможность с ним пообщаться. Стало быть, мне нужно прямиком на прием к «великой и ужасной» Валентине Прохоровой.

— Сомневаюсь, что она пустит к себе в офис и уж тем более домой Женю Охотникову — телохранителя ее сына, которого она никогда не хотела и не любила.

— А к ней и не придет телохранитель Женя Охотникова. Ее посетит корреспондент «Вестника Тарасова» Марина Андреева — скромная, слегка заикающаяся журналистка, в распоряжении которой оказался резонансный материал о том, что конкуренты сферы ночных развлечений Валентина Прохорова и Глеб Василевский — мать и сын.

Губы Василия Прусса тронула едва заметная улыбка. Он одобряет мою задумку. Если этот хитрец работает с Прохоровой, то наверняка спланирует какую-нибудь ловушку. Но моя работа — это постоянный риск, и я готова на него пойти.

— Впечатляет, Евгения Максимовна. Это может сработать. Предлагаю светлый парик и очки.

— Ага, и неловко поправлять очки? Слишком банально, Василий Михайлович, это маскировка прошлого века. Я небрежно заколю волосы и надену линзы. Вы знали, что измененный цвет глаз кардинально меняет внешность человека? К тому же я — особа не публичная, она меня совсем не знает, но образ скромной журналистки должен быть правдоподобный, поэтому рубашка, пиджак и строгие брюки будут в тему. Не подумайте, что я хочу за ваш счет обновить гардероб... Хотя думайте что хотите, но давайте уже поедем.

Василий Прусс снова улыбнулся. Мой подход ему понравился. В этой улыбке и во взгляде на меня и Глеба, сидящего на заднем сиденье, было что-то отеческое — он будто бы рад, что рядом с человеком, которого он считает сыном, сидит такая пробивная девушка. Неужели этот человек действительно хочет убить Глеба? Ответ на этот вопрос еще предстоит узнать, но пока что я расцениваю Прусса как врага, а врагов, как известно, нужно держать близко.

Василий заводит машину, и мы отправляемся в путь.

В магазине одежды я обновляю гардероб, Глеб составляет мне компанию, Прусс ждет в машине.

— Каковы первые соображения? — спрашивает Василевский, вновь поглядывая в сторону стоящего за окном «Мерседеса».

— Хочет ли Василий Михалыч тебя убить? Трудно сказать сразу, Глебушка. Одно могу сказать точно: сегодня можешь спать спокойно. Прусс не дурак, и если даже хочет тебя убрать, то сегодня, с появлением меня, делать этого не станет. Как тебе? — Я остаиваюсь, приложив к телу классическую белую рубашку с довольно широкими рукавами.

Напряженный Глеб, будто бы не замечая моего вопроса, продолжает:

— Надеюсь, что ты права, ведь это и в твоих интересах. Если твоего клиента убьют в первый же день твоей работы, это негативно скажется на твоей репутации, — и снова эта бахвальская улыбка.

Парень, да она тебе не идет, будь уже собой.

— Что верно, то верно. Я стараюсь не опираться на личное мнение, но, возможно, оно тебя успокоит: я не думаю, что Василий хочет тебя убить. Я не знаю, что за фрукт твоя мамаша, но пока и на ее счет у меня нет подозрений. Сам подумай, вы — главные конкуренты по бизнесу. Один устраняет другого. Даже при всех возможностях Прохоровой — зная, что она способна тщательно замести следы, — в век информационных технологий на

нее прочно насядут. «Party Night», безусловно, вернет свою славу, ведь люди забывают детали, но прежде, чем это произойдет, Валентине придется справиться со шквалом обвинений и критики в ее адрес.

Глеб ненадолго замолчал, наконец обратив внимание на рубашку. Потом взял ее у меня, повесил на место, достал другую, вручил мне и добавил:

— Или ты просто плохой детектив. Надеюсь, не облажаешься в качестве телохранителя. — На этих словах он вышел из магазина, оставив меня с рубашкой в руках.

Последняя реплика была грубой, но я не старшеклассница, которую способны обидеть подобные слова. Тем более я прекрасно понимаю, что Глеб боится и нервничает. Его ухмылка является защитной реакцией: Василевский хочет казаться непроницаемым, ему кажется, что ухмылка придает уверенности, но в Ворошиловке меня учили многому, в том числе распознаванию лжи и страха. Он лжет, и он боится. А вот вкус в одежде у него прекрасный — подобранная им рубашка действительно лучше той, что выбрала я.

Дополнив комплект брюками и пиджаком, я отправилась на кассу.

Девушка-кассир вежливо поинтересовалась:

— Добрый день. Возможно, девушке Глеба Александровича подойдет что-то более

утонченное? В нашей коллекции весенних платьев...

— О, я, пожалуй, прерву вас. Дело в том, что Глебу Александровичу я никакая не девушка, но, поскольку вы его знаете, вам не составит труда записать расходы на его счет, — он в порыве своей ярости даже забыл, что должен был заплатить за обновление моего гардероба.

— Об этом можете не волноваться, — с неловкой улыбкой добавила девушка, после чего оперативно упаковала одежду в пакеты.

На выходе из бутика я оглянулась и посмотрела на его название — «Vasilevsky», а когда перевела взгляд на «Мерседес», то в открытом окне увидела привычную за последнее время ухмыляющуюся физиономию Глеба. Я знала, что помимо клуба он владеет еще несколькими заведениями, но не придавала значения, что среди них есть бутик одежды. Что ж, эффектно. На легкомысленных дамочек это бы произвело потрясающий эффект.

В «Мерседесе» я первым делом позвонила в офис Валентины Прохоровой. Голос мой был дрожащим — я считала, что именно таким он должен быть у Марины Андреевой из «Вестника Тарасова», — но говорила я внятно:

— Добрый день, это офис Валентины Андреевны Прохоровой? М-меня зовут М-марина Андреева, «Вестник Тарасова», я звоню, чтобы...

— Валентина Андреевна не принимает журналистов. До сви...

— П-подождите, у меня есть информация к-касательно Г-глеба Василевского, — на этих словах глаза Глеба приобрели круглую форму.

После небольшой паузы секретарь ответила:

— Соединяю.

— У вас тридцать секунд, — без доли вежливости произнесла Прохорова.

— В-валентина Андреевна, зд-здравствуйте. Меня зовут Марина Анд...

— Двадцать секунд.

— Х-хорошо. Дело в том, что в р-распоряжении «В-вестника Тарасова» оказалась информация от анонимного источника, что Г-глеб Василевский — ваш сын. — Глаза Глеба стали еще круглее.

Он явно не ожидал, что я ударю настолько в лоб. Василий Прусс, напротив, всем своим видом показывал, что ему понравился мой ход — с лица мужчины не сходила одобряющая улыбка.

Двухсекундное молчание. За ним ответ:

— Жду вас сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Не опаздывайте, — и Прохорова положила трубку.

— Ты сумасшедшая? Взять и рассказать Прохоровой о том, что кто-то знает, кем я ей прихожусь? Об этом знаю только я, Василий

и она. Еще знал отец. Ты осознаешь, что она может с тобой сделать?

— Плохо у тебя с математикой, Глебушка. Об этом теперь знаю я, а еще Олег Кротов, с которым я прямо-таки мечтаю встретиться. Но уже после моего визита к «великой и ужасной». Не переживай ты так, источник-то анонимный.

— Не нужно быть дураком, чтобы понять, что этот анонимный источник — я или Михайч. Никому больше не известна правда. Ты должна защищать меня, а сейчас я чувствую себя еще более уязвимым, — Глеб откровенно истерил.

Дурацкая черта мужчин. Почему они иногда ведут себя хуже женщин?

Не успела я сказать, что он вне опасности, как слово взял Прусс:

— Глеб Александрович, Охотникова поступила опрометчиво, но эффективно. Вы думаете, за то время, что Прохорова была беременна вами, она или ваш отец совсем не подпускали к себе людей? Со своей стороны мы позаботились о том, чтобы никто не узнал о ваших родственных связях с Валентиной, уверен, она поступила так же. Но люди — даже те, которым щедро платят за молчание, — склонны со временем выдавать секреты.

— К чему ты клонишь? — гневно и с явным недоверием спросил Глеб.

— А к тому, что «анонимным источником», который упомянула Марина Андреева, может оказаться не только я или вы, а совсем другой человек, желающий еще раз заработать на этом секрете, но на этот раз — у газеты.

Слова Василия немного успокоили Глеба. На секунду мне даже показалось, что он хочет сказать ему о своих подозрениях — о случайно услышанном телефонном разговоре, о том, для чего ему на самом деле понадобилась моя помощь. Я предположила, что эмоции настолько взяли верх над рассудком молодого бизнесмена, что он после одобряющих слов Прусса вдруг снова начал доверять ему.

«Молчи, Глеб. Не доверяй никому, пока не получишь достаточно доказательств».

Мои предположения были ошибочными:

— Ладно. Посмотрим, что из этого выйдет. Женя, ты должна знать, что Валентина Прохорова — опасный человек. Тебе нужно максимально убедительно отыгрывать роль журналистки — возможно, в таком случае встреча пройдет гладко.

— Я слышу в вашем голосе нотки беспокойства, Глеб Александрович? — я ответила ему ухмылкой на ухмылку.

«Я — профессиональный телохранитель, проходила подготовку в самых отдаленных уголках мира, где мне приходилось перевоплощаться в гораздо более сложные образы, нежели скромной журналистки-заики.

И в моих действиях будет сомневаться разбалованный мажор? Нет уж, господин Василевский, обойдусь как-нибудь без ваших упреков».

— Бахвальство, авантюризм, безрассудство. На что ты еще полагаешься в работе? — спросил Глеб.

— На импровизацию и свой удар с правой — поверь, тебе не захочется знать, что из этого сильнее. А сейчас, мальчики, я попрошу вас покинуть автомобиль — Евгении Охотниковой предстоит перевоплотиться в Марину Андрееву.

Когда я вышла из машины, то была другим человеком: из небрежно завязанного хвостика на голове выпадали пряди волос, рубашка была аккуратно заправлена, но выглядела слегка мятой, пиджак надет небрежно, черные кроссовки, хоть и были довольно строгими, все же слегка не сочетались с широкими брюками.

— По пути до офиса Прохоровой осталось заскочить в магазин оптики за линзами и каким-нибудь портфелем — с ним же обычно ходят журналисты? Я не смогу приехать к ней на «Мерседесе» Глеба Василевского, поэтому возьму такси, мои вещи отвезите к себе. И, пожалуйста, отгоните в ваш гараж мой «Фольксваген», думаю, там ему найдется место. Я ведь ночую у вас, Глеб Александрович, как и положено телохранителю?

— С нетерпением будем ждать вашего возвращения, Евгения Максимовна, — ехидно ответил Глеб, но затем добавил: — Удачи и будь осторожна.

В запасе перед встречей с Валентиной Прохоровой было еще два часа, поэтому первым делом я отправилась за портфелем, минимальным набором канцелярских принадлежностей и линзами карего цвета. Надев их и посмотрев на свое отражение, я заключила, что такой цвет глаз мне не к лицу — возможно, это потому, что я привыкла видеть себя голубоглазой.

Когда до встречи с Прохоровой оставался час, в одной из кофеен я старательно стала придавать записной книжке Марины Андреевой исписанный вид. Я всегда тщательно подхожу к легендам, ведь плохо продуманный образ может разоблачить прикрытие. Все должно быть достоверно, чтобы у человека, которого я обманываю, не было причин сомневаться в правдивости моих слов. Марина заикается, она из тех людей, кто стесняется смотреть человеку прямо в глаза, мне нужно вести себя так, будто бы я побаиваюсь Валентину Прохорову.

На самом деле я не вижу ничего страшного во встрече с ней. Конечно, я иду в гости к человеку, который потенциально хочет убить моего клиента, а это значит, что первым делом он устранил всех, кто будет защищать

Глеба, — в том числе и меня. Но что-то подсказывает мне, что Прохорова не хочет убивать сына, как бы плохо она к нему ни относилась. Такого же мнения я о Пруссе: если он и в сговоре с кем-то — пускай даже с Валентиной, — то явно не с намерением устранить парня, который вырос у него на глазах.

Возможно, я слишком человечна в подобных вопросах. Учеба в Ворошиловке достаточно закалила меня, чтобы не доверять тем, с кем я мало знакома, но общение с тетей Милой и пара случаев из практики заставляют поверить, что с людьми не все потеряно. Скучаю по Миле, вот бы сейчас кушать ее фирменную шарлотку и слушать максимально занудный рассказ о том, что мне пора замуж. Обязательно напишу ей эсэмэс, прежде чем отправиться на съедение львице Прохоровой.

Офис Валентины Андреевны располагается в ее клубе «Party Night». Он откроется только через три часа, поэтому сейчас Прохорова наверняка занимается бумажной волокитой.

Я подъехала к клубу на такси, на входе меня сразу встретил охранник, который уточнил:

— Марина Андреева, «Вестник Тарасова»?

— Д-да, это я.

— Пройдемте.

Образ сыграл за меня в очередной раз. У строго одетой, неловко держащейся заики охранник даже не спросил документ, под-

тверждающий личность. Он только выглядит грозным — высокий мужчина под два метра ростом, хорошо сложен — не огромный качок, а подтянутый и подвижный вышибала.

Я сразу продумываю, как дать такому отпор, если ситуация выйдет из-под контроля. В подобных случаях на моей стороне эффект неожиданности: вряд ли охранник ожидает, что скромная журналистка окажется мастером восточных единоборств. Первым делом я не дам ему добраться до пистолета, который в кобуре под пиджаком, потом оглушающий удар в кадык — и на выход. План отхода осложняется, так как пока мужчина проводит меня к Прохоровой, я замечаю в помещении еще троих вышибал. С четырьмя вооруженными охранниками справиться будет сложнее. Надеюсь, мою легенду не раскроют.

Меня заводят в кабинет, который нельзя назвать вычурно роскошным. Стеллажи с книгами и документами, бар, столик с креслами — видимо, для неформальных бесед с уважаемыми посетителями, — рабочий стол из красного дерева, на котором соблюден строжайший порядок, кожаное кресло. У окна стоит Валентина Прохорова, попивая крепкий напиток — виски, скотч, коньяк?

Я уже поняла, что эта женщина не любит здороваться, но еще раз убедилась, когда она с ходу спросила:

М. Серова

■ — Что пьете?

Женя не отказалась бы от виски, Марина же не пьет:

— С-спасибо, я не пью, — ответила я, стараясь не переигрывать с заиканием.

— Ладно, Марина, верно? Кто ваш анонимный источник и с чего он взял, что этот малолетний выскочка Василевский — мой родственник?

«Да ладно вам, Валентина Андреевна, я считала вас умнее. Сейчас вы презрительно начинаете вопрос словами «с чего он взял», показывая, что контролируете ситуацию. Но разве бы вы пригласили в свой офис журналистку, если бы не боялись за свою репутацию? Не имей вы отношения к Глебу, то встреча не состоялась бы вовсе».

— Ан-нонимный источник пожелал остаться анонимным, — произнесла я очевидную вещь. — Он сообщил нам о том, что в-вы имели романтические от-ношения с Александром Василевским, которые закончились, к-когда родился Глеб. Как в-вы это прокомментируете?

— То есть никаких доказательств у вас нет, некий аноним заявляет, что я — мать своего главного конкурента по бизнесу, и я должна что-то комментировать? Девушка, почему бы вам прямо сейчас не убраться из моего офиса?

— Т-тогда зачем была эта встреча? М-мне показалось, ч-что вас заинтересовали мои с-слова по телефону.

Валентина Прохорова смерила меня пристальным взглядом. Бизнесмены должны обладать прекрасной чуйкой, они должны видеть людей насквозь — это помогает надавить на слабые стороны партнеров или же конкурентов для получения собственной выгоды. Сейчас она думает, что не совсем обычно слышать довод с подозрением, который я только что привела, от столь застенчивой трусишки, как Марина Андреева.

Я могу ошибаться, но Валентина Андреевна подозревает, что я — не та, за кого себя выдаю. Такое случается даже с лучшими шпионами, когда имеешь дело с достойным противником, а Прохорова — весьма достойна. Я не выдам себя. Я доиграю свою роль до конца.

Решив продолжить спектакль и дожидаться моего провала, бизнес-леди соглашается сыграть по моим правилам:

— Хм... Что ж, тогда записывайте. — Я включаю диктофон на телефоне, и после паузы Валентина продолжает: — Тридцать лет назад меня действительно связывали романтические отношения с Александром Василевским. Я недавно окончила юрфак и очень хотела открыть собственное дело. Отец помог мне и вложил в сувенирную лавку. Я была на седьмом небе от счастья, ведь была уверена, что дело выгорит, я заработаю кучу денег и смогу расширить свой бизнес.

Старт продаж керамических сувениров действительно выдался удачным — людям нравились изделия, которые я продавала, ведь в нашем городе таких было не найти. Затем конкуренты стали осуществлять поставки оттуда же, откуда и я, и сувениры из моей лавки перестали быть уникальными. На каждом шагу можно было найти такие же фигурки, и продажи моего товара упали. Прибыль медленно, но верно скатывалась в минус, но однажды на рынок, где я работала, приехал Саша. Он тогда любил выходить в свет, чтобы показать, что русские олигархи — такие же простые люди, которым не чужды походы на рынок в свое удовольствие.

Сашу привлекла либо моя лавка, либо нервно курящая я, которая не заметила приезда столь важной особы. Вот какая штука, дорогая, мужчинам нравятся те девушки, которые не обращают на них никакого внимания. Он подошел ко мне и спросил, почему я грущу, я ответила, как есть, что продажи моего товара падают и лавку скоро придется закрыть. Тогда Василевский сказал, что может помочь мне, если я соглашусь пойти с ним на свидание. После этих слов я впервые посмотрела в его глаза — они были красивые, будто бы вечно улыбающиеся. Он привлекателен и богат, почему бы не составить ему компанию в шикарном заведении, тем более он готов помочь с бизнесом? Именно так я и по-

думала, несмотря на то, что это мне несвойственно — я не падка на лесть, и хотя у меня были отношения с мужчинами, в долгосрочной перспективе они мне неинтересны.

Но я была у разбитого корыта и решила изменить себе. Одно свидание, потом второе, еще парочка — и вот уже у меня — владелицы убыточной лавки керамических фигурок — роман с известным олигархом Александром Василевским. Постепенно мой бизнес начинает идти в гору: Саша способствует тому, что моя лавка превращается в небольшой магазинчик — уютный и привлекательный, — в который хотят заходить люди. Благодаря ему число поставщиков увеличивается, но чем дольше я состою с ним в отношениях, тем сильнее понимаю, что предала свои идеалы.

В трудную минуту я не нашла выход сама, как того хотел отец, а просто закрутила роман с богатеньким папиком, чтобы он решил все мои проблемы своими деньгами. Я искренне любила Сашу, но идеалы и принципы всегда были для меня превыше любви. Я стала отдаляться от него и в один момент заявила, что ухожу, так как не создана для семьи и чувствую себя чужой. Стоит признать, он, хоть и хотел видеть меня своей женой, воспринял мой уход мужественно и даже не стал отнимать бизнес. А я поскорее хотела продать его, так как чувствовала, что обязана его процве-

танию Саше. Постепенно магазин сувениров вырос до торговой сети, прибыль от которой пошла на строительство вот этого клуба. После открытия «Party Night» я продала сеть по продаже сувениров, избавившись от чувства долга перед бывшим любовником.

А сейчас некто Глеб Александрович Василевский делает все, чтобы мое детище отошло на второй план. Нас с этим парнем связывает только то, что он — мой главный конкурент и сейчас он побеждает. Как вам такой эксклюзив, Марина? Раньше пресса писала о моем романе с Василевским только как о неподтвержденном слухе, сейчас я говорю вам правду. Видите ли, я захотела встретиться с вами, услышав вашу ахинею о том, что Глеб — мой сын, только чтобы рассказать это душераздирающую историю, которая в это непростое время станет для меня отличным пиаром. Но матерью этому мальчику я не прихожусь.

«Она хороша. Чертовски хороша. Как красиво она представила свою ошибку в виде согласия на встречу продуманным ходом. Но я все же верю Василевскому и Пруссу, Прохорова — мать Глеба. Пока она рассказывала свою драматическую историю любви, я заметила, что манера речи, скулы и глаза достались моему клиенту от матери. Ей пятьдесят пять, но выглядит эта женщина прекрасно. А то, как она избежала провала, привело меня в истинный восторг. Мне нужно доиграть

роль Марины Андреевой и уходить — ничего больше Прохорова мне не скажет. Конечно, стоит уточнить и настоять на комментариях — так ведь делают журналисты?»

— То есть вы отказываетесь комментировать слухи о том, что Г-глеб Василевский — ваш сын?

— Слухи на то и слухи, чтобы их не комментировать, а отрицать. Я уже все сказала, надеюсь, вы все записали, — на этих словах Валентина посмотрела на экран моего смартфона, и в этот момент случился провал.

Прозвучал сигнал об эсэмэс-сообщении, и во всплывающем окне было написано: «Хорошо, Женечка, будь осторожна и звони».

«Тетя Мила, почему ты всегда читаешь и отвечаешь на эсэмэс с таким опозданием?»

Понимая, что уход в отрицание не имеет смысла, я нажала диктофон на «стоп» и решила подождать несколько секунд, чтобы увидеть, как же поступит Валентина — сразу вызовет охрану или же попытается выяснить, кто я на самом деле.

На лице женщины сначала появилась гримаса удивления и страха, которая затем сменилась спокойной улыбкой.

— Bravo. Марина Андреева, «Вестник Тарасова», скромная девушка, слегка заикающаяся, которая боится посмотреть мне в глаза. Сейчас вы смотрите прямо в них, Мариночка, ■ или как вас там зовут?

— В ваших глазах мелькало подозрение, но все же прикрытие было надежным — я видела это. Вышибалы уже на полпути сюда?

— А вы видели, как я кого-то вызвала или, быть может, услышали их шаги? Понимаете ли, Марина, идя сюда, вы слегка недооценили меня. Вы думаете, сразу после вашего звонка я не узнала, работает ли в «Вестнике Тарасова» некая Марина Андреева? Журналистки с таким именем там нет. Когда вы зашли, я стала предугадывать каждый ваш шаг: «Сейчас она скажет, что не пьет», «сейчас будет неловко тупить взгляд вниз», «сейчас максимально внимательно будет конспектировать основные моменты моего рассказа, но потом все же изобразит нерешительный вопрос, согласна ли я прокомментировать слухи». Надо признать, несмотря на все это, зная правду о том, что Андреева — вымысел, я на секунду действительно поверила в то, что общаюсь с журналисткой. Следовательно, я имею дело с профессионалом, даже обидно, что такой профи работает на такого болвана, как Глеб Василевский.

«Боевик с элементами детектива. Героем именно такого фильма я стала. Черт возьми, Женя, признайся уже самой себе, что тебя зацепила история Василевского, которая поначалу казалась пустышкой. Когда я даю себе обещание работать с клиентом исключительно ради денег, ничего хорошего из этого не

выходит. Я все равно углубляюсь в его историю и где-то на подсознательном уровне делаю ее личной. Сдался мне этот Глеб Василевский со своей мамашей! Чем дольше я общаюсь с Прохоровой, тем сильнее уважаю ее. Образец сильной и независимой женщины стоит передо мной. Вот только ради пресловутых силы и независимости Валентина Андреевна тридцать лет назад бросила сына. Такой поступок не вызывает у меня одобрения и уж тем более уважения, хотя меня саму не назовешь приверженцем института семьи».

— Валентина Андреевна, я не работаю на вашего сына, — еще одна ложь, играем по крупному, — но сейчас вижу, что мой анонимный источник говорил правду — вы действительно его мать. Жаль, что у меня нет вещественных доказательств этого факта, но это так. Понимаете, не вы одна видите людей насквозь, а еще вы сильно выдаете себя, когда запускаете «внутренний сканер». Играя скромную журналистку, — на этих словах я встала и под пристальным взглядом Прохоровой налила себе виски, — я то и дело тупила глаза в пол, но в моментах, когда в вашей истории случались важные события, я следила за вами. Ваши вербальные и невербальные реакции говорили о том, что вы как минимум дважды солгали мне. Угадайте, когда это случилось? — Я пригубила виски. Не очень люблю крепкий алкоголь, но вкус этого напит-

ка говорил о его дороговизне. — Вы нервно проглотили слюну, когда заявили, что пригласили меня исключительно ради эксклюзива, а во время произнесения фразы «Матерью этому мальчику я не прихожусь» тон вашего голоса непроизвольно повысился. Знаете, с кем такое случается? С лжецами.

«Я люблю и ценю свою жизнь, но, исходя из этой ситуации, так не скажешь. Я играю в кошки-мышки с человеком, обладающим таким влиянием, что обо мне завтра могут не вспомнить. Неужели так важно было бахвалиться своими навыками психолога, Женя? Ведь достаточно одного сигнала, и охрана Прохоровой ворвется сюда, и начнется неравный бой. Сомневаюсь, что они будут применять огнестрельное оружие в это время суток. В клубе еще не гудит шумная музыка, звук выстрелов разнесется на два квартала. Делаю ставку на то, что громилы попытаются обезвредить меня врукопашную, никто не отменял и холодного оружия, но этот метод мне кажется довольно грязным для госпожи Прохоровой, чей психологический портрет я так тщательно составляла последние полчаса.

Скорее всего охранники клуба попытаются задавить меня числом и весом. Что ж, по первому пункту у них явное преимущество, по второму визуально тоже, но никто не отменял старой поговорки: «Чем больше шкаф, тем громче падает». За годы работы в различ-

ных опасных точках я успела убедиться, что габариты человека мало что решают во время схватки. Нужно знать, по каким участкам тела нанести удар, чтобы даже самый гигантский из гигантов повалился ниц».

Мои размышления прерывает Валентина:

— И вот они мы, две женщины, которые общаются о мужчинах и подозревают друг друга во лжи. Вы не верите, что у меня и Глеба Василевского нет родственной связи, я, в свою очередь, не верю, что вы на него не работаете. Вы умело притворились журналисткой, сейчас кем притворяетесь? Независимым поборником справедливости? Интересно, есть ли еще такие в нашем мире? Я признаюсь, что восхищаюсь вами, девушка. На вид вам не больше тридцати, но манера речи, взгляд, да чего только стоит весь этот маскарад, говорят о том, что вы прошли суровую школу жизни. Спецподготовка? Особые вузы для одаренных детей? Не отвечайте, вопросы риторические, да и какая разница, где вы набирались опыта, несмотря на очевидный талант, вы все равно допускаете банальные ошибки. Чего только стоит работа с Глебом Санычем. Хотела бы я иметь такую дочь, как вы.

— Но, увы, имеете непутевого — по вашему мнению — сына, которого знать не знаете, — ехидно добавила я.

— А по вашему мнению, он — не непутевый? — Прохорова вряд ли надеялась, что по-

сле такого вопроса я начну рассказывать, что думаю о Глебе, тем самым выдав, что работаю на него.

Поэтому я решила перевести тему и сосредоточиться на главном.

Отставив пустой стакан, показательно протерев его — что-то подсказывает мне, что столь влиятельный человек имеет возможность пробить человека по базе ДНК, — я спросила:

— Что дальше? Не столь интеллектуальная и откровенно неприятная беседа с вашими людьми?

— Дорогая моя, вы должны понимать, что есть два варианта финала нашей встречи. Первый — так и не узнав, кто вы, я скажу своим людям вывести вас отсюда и позаботиться, чтобы вы мне больше не докучали. Второй — вы оставите работу на Глеба Василевского и будете работать на меня. Поверьте, я найду вашим навыкам более нужное применение, нежели копание в прошлом, которое не имеет никакого значения.

— А есть и третий вариант, — я положила свой телефон в карман и сложила блокнот с ручкой в портфель. — Марина Андреева выйдет отсюда, а спустя пару дней в «Вестнике Тарасова» выйдет эксклюзивное интервью с Валентиной Прохоровой, где она подтверждает слухи о своем романе с Александром Василевским тридцатилетней давности, а также

признается в том, что ее главный бизнес-конкурент Глеб Александрович Василевский — ее сын. Вы сами упомянули о моих талантах, думаете, среди них не найдется талант подделки аудиозаписей?

Во взгляде Валентины вновь читается уважение, но на этот раз вперемешку с печалью. Она понимает, что я не намерена сдаваться, что не буду раскрывать своей работы на Василевского и что работать на нее я тоже не буду. В свою очередь, я понимаю, что на мой вариант она даже не согласится. На самом деле морально я уже готовлюсь к драке. Не бахвальства ради скажу, что я обладаю достаточной долей проницательности, но в своей работе совершаю ошибки. Странная история Глеба Василевского, его подозрения о готовящемся на него покушении, в котором он подозревает свою биологическую мать и ближайшего к нему человека Василия Прусса, казались мне прекрасным сюжетом для детективного романа или фильма. Я до последнего не верила в то, что Валентина Прохорова хочет его устранить. Теперь, общаясь с этой женщиной, я понимаю, что она способна на все.

— Значит, первый вариант, — на этих словах она нажимает кнопку под крышкой стола, а я резко поворачиваюсь в сторону двери и начинаю бежать.

За дверью — в небольшом коридоре между кабинетом Прохоровой и основным поме-

щением клуба — меня уже ждут двое громил, получившие сигнал. Если они не такие тупые, какими кажутся на первый взгляд, двое других, что я видела, останутся за дверью, чтобы подоспеть, если я пройду «первый эшелон».

Ни один из охранников не тянется за пистолетом — моя догадка касательно того, что днем звуки стрельбы привлекут нежелательное внимание, сработала. Несмотря на это, я все же решаю разоружить громил. Я замахиваюсь на одного левой рукой — ложный замах, ведь ударяю я правой — прямо в челюсть, которая кажется мне железной. Второй пытается зайти мне за спину, но его попытки выглядят как минимум нелепыми — коридор узкий, а его спина невероятно широкая — бодибилдер, что ли?

Пока первый отбивает мои удары и пытается захватить меня в замок, я хлестко уворачиваюсь, ударяю правой ногой по задней поверхности его бедра, что вынуждает вышибалу с громким выкриком боли упасть на колени. После этого я левой рукой достаю пистолет из натальной кобуры, ударяю им первого в висок и направляю оружие на второго. Он оказывается не таким тупым, каким мог показаться на первый взгляд: своей ухмылкой бодибилдер дает понять, что знает — я не выстрелю по тем же соображениям, что и они. Он вынимает собственный пистолет, показательно достает оттуда обойму, бросает все на пол и встает

в боевую стойку. На этом моменте в коридор входят двое охранников из основного зала. Надеюсь, их всего четверо.

Начинается безумная драка девушки с тремя громилами, каждый из которых в два раза больше меня. Удары сыплются один за другим, но в основном получают охранники, так как я наношу им хлесткие пинки руками и ногами, а когда дело доходит до ответки, они не могут попасть по мне — слишком медлительные и нерасторопные, а коридор уж слишком узкий.

Увидев, что один из них достаточно измотан, я иду на отчаянный шаг — отвесив ногами по лицу первого и второго, проскальзываю уставшему между ног, по ходу движения сильно пробив ему в место, без которого мужчина не считается мужчиной.

Громила завывает, а я — с кровью под носом, ссадиной над левой бровью, перекошенным портфелем и чудовищно растянутой рубашкой — ныряю в дверь, ведущую в главный зал. Двое уцелевших предсказуемо выбегают за мной. Моя самоуверенность в том, что я гораздо быстрее любого из них только потому, что меньше вешу, играет со мной злую шутку: когда до входной двери остается рукой протянуть, огромная ручища хватается меня за плечо.

■ Я делаю оборот, пробиваю охраннику по ребрам прямой ладонью — прием из восточ-

ных единоборств — при достаточной силе такого удара человеку можно сломать от одного до трех ребер. Громила, конечно, стонет от боли, но я сильно сомневаюсь, что сквозь эту каменную кожу сломала ему хотя бы одно ребро. Он замахивается на меня, намереваясь снова схватить, и я успеваю увернуться, подставив под массивную ладонь не плечо, а левую щеку — получается громкая пощечина, от которой в моих ушах начинает звенеть.

Звон дезориентирует, и я получаю, наверное, самый сильный удар в живот, от которого мое дыхание моментально сбивается. Я непроизвольно сгибаюсь, и в этот момент тяжелый локоть сваливается мне на спину — вот теперь как минимум одно ребро сломано, жаль, что мое. Я лежу лицом к полу, охранники завязывают мне руки за спиной кабельными стяжками.

В этот момент в основной зал неторопливо входит Валентина Прохорова. Звук медленных шагов женщины на каблуках — что может быть еще унижительнее в такой ситуации. Она ставит стакан с крепким напитком на стол, присаживается за уцелевший столик, рядом с которым происходила драка, и ждет. Громила ставит меня на ноги.

— Я даю вам последний шанс, так как искренне восхищена вами. Не хотите ли вы работать на меня?

Я ухмыляюсь окровавленными зубами — перед скорой смертью нужно сохранить лицо. Жаль, что я так и не выяснила, хочет ли Прохорова убить Глеба или все его опасения — не более чем паранойя. Очевидно одно — эта женщина не потерпит нежелательного внимания, и псевдожурналистам, частным детективам, а также другим желающим покопаться в ее прошлом мало не покажется.

— Валентина Андреевна. Наймите других охранников. Не обязательно брать человека за его выдающиеся габариты. Четыре буйвола — довольно много. Оставьте двоих вот этих, — я показываю взглядом на охранников, что держат меня, — а на место тех двоих, что сейчас приходят в себя в коридоре, возьмите мобильных парней или девушек. Ловкость и проворство — вот основные черты современного охранника, так и передайте парню, что сейчас думает, что я сломала ему детородный орган.

Прохорова улыбается, затем подходит ко мне, достает из внутреннего кармана моего пиджака телефон и кладет его на стол.

— Спасибо за совет. Парни, работаем. Сделайте все быстро, а то скоро открываться, а у нас тут полный бардак. Я была счастлива познакомиться с вами, Марина. Жаль, мы никогда больше не увидимся, — на этих словах что-то тяжелое бьет мне по затылку, и все в глазах темнеет.

ГЛАВА 2

Я прихожу в себя в темном и очень тесном помещении, связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту. В голове еще звенит, и мне приходится приложить усилия, чтобы понять, было ли все произошедшее накануне реальностью, а не дурным сном. Но, судя по тому, что тесное помещение является не чем иным, как багажником автомобиля, я действительно дралась с людьми Валентины Прохоровой.

Дралась и проиграла. Что бы сейчас подумал обо мне отец? Мужчина, который всегда мечтал о сыне, воспитывал дочь в строгости, приложил все усилия для того, чтобы я стала той еще пацанкой. Наверняка разочаровался бы. В такие моменты я постоянно думаю об отце, несмотря на то, что ненавижу его. Нет, не из-за его жестких методов воспитания, а из-за того, что он предал маму. После ее смерти папаша быстро нашел себе другую и женился. Пожалуй, я не была бы против, если бы он взял вторую жену спустя определенный срок. Но он даже не был в трауре. Как будто из жизни ушла не спутница его жизни, а давняя знакомая. Жестокость была в каждой фразе этого мужчины, именно таким я его и запомнила.

Несмотря на это, я благодарна Максиму Охотникову за то, кем я стала. В жестоком и несправедливом мире нужно уметь себя за-

щищать. Особенно девушке, которая не имеет возможности обеспечить себе защиту за деньги, как это может сделать Глеб Василевский.

Сейчас, отправляясь на верную смерть, я осознаю, что даже с его ресурсами он не чувствует себя в полной безопасности. Верный подданный его семьи Василий Прусс — один из главных подозреваемых в предательстве, именно поэтому Глеб обратился ко мне. А я провалилась. Как защитить клиента, если я саму себя защитить не в состоянии?

Карьера телохранителя по найму Жени Охотниковой вот-вот оборвется. Тетя Мила будет в шоке. Меня объявят пропавшей без вести, но спустя какое-то время поиски прекратят, и она свыкнется с моей кончиной.

Как же поступят Василевский и Прусс? Ведь у них моя одежда, в телефоне — журнал вызовов, в которых содержатся звонки на мой номер. Не буду питать иллюзий, что Глеб Александрович Василевский — благородный рыцарь, который решит выяснить, что стало со мной, и воздать по заслугам моим убийцам. Скорее всего, чтобы никто не заподозрил его в случившемся со мной, он почистит журнал вызовов и уничтожит мою одежду. Затем, втайне от Прусса, которого он считает предателем, Глеб соберет много денег и рванет куда-нибудь в теплые края.

М. Серова

Впрочем, я могу ошибаться в своих прогнозах, ведь я ошиблась касательно Валенти-

ны Прохоровой. Теперь я уверена, что ее хотя бы гипотетически можно считать заказчицей убийства. И все-таки как же я провалилась: не выведав у потенциальной преступницы информацию, которую можно было использовать для защиты клиента, я сама стала жертвой этой преступницы. Причем не потенциальной, а вполне реальной.

Мои мысли прерывает резкая остановка автомобиля, который долгое время ехал по неровной землянке — полагаю, я где-то в лесополосе. Вспоминаются сериалы про криминальную Россию. Никогда не думала, что окажусь героиней именно этих гнусных сцен.

Багажник открывается, яркий свет слепит глаза. Мы посреди леса, местность холмистая, скорее всего меня похоронят под одним из этих деревьев. Интересно, скольких еще неугодных ей людей Валентина Андреевна Прохорова приказала отвезти в этот живописный лес?

— Бери девчонку и спускайся вон туда, — один из громил показывает на подножие холма — отличное место для могилы, — я с лопатами сразу за тобой.

Второй вышибала поднял меня так легко, будто бы я пакет с листьями. Я не ворочалась, так как за годы своей практики прекрасно знаю, что это — бесполезная трата сил.

Нужно внимательно смотреть по сторонам. Спасение может быть где-то здесь. Свя-

зали меня туго, извернуться нет особой возможности, так как связанные за спиной руки привязаны к связанным ногам, за счет чего лодыжки приподняты, и я выгляжу как буква «с» или скобка.

В таком положении охранник Прохоровой и несет меня к месту казни. Вряд ли они сначала убьют меня, а потом выроют яму. Если они заметят на горизонте приближение нежелательных свидетелей, то легче будет вновь поднять меня — у таких здоровых парней это получается легко, — переместить в стоящую неподалеку машину и оперативно уехать, чем впопыхах закапывать яму.

Во втором случае есть вероятность быстрого приближения свидетелей, а значит, и вероятность их устранения. Нет уж, я еще поживу.

Я мычу, чтобы мне хотя бы развязали рот. Один из громил уже копает яму, второй стоит на стреме.

Наконец второй, устав от мычания и выругавшись, снимает повязку.

— Чего тебе? — гневно спрашивает он, готовясь ударить меня, если ему не понравится ответ.

Сейчас я осознаю, как сильно болит мое тело — два или три ребра наверняка сломаны.

— Ничего, просто захотелось подышать воздухом перед смертью. Кричать не буду, обещаю, да и бесполезно это, правильно же? — я решила быть вежливой.